

— Почему так поздно и всё ещё настраиваешь звук? — Лу Ивэнь подошёл ближе. Он собирался предложить парню баночку пива, но в самый последний момент замялся. —...Тебе вообще можно алкоголь?

Он вдруг вспомнил, что в нынешнем составе группы все, кроме Бай Чжиюаня, ещё не достигли совершеннолетия. А Цзянь Шэ, кажется, и вовсе был среди них самым младшим.

— От пива ничего не будет, — сказал Цзянь Шэ, заметив менеджера, стянул наушники на шею и слегка склонил голову набок. — Днём я добавил в «Зимний стул» новую дорожку, вот решил попробовать свести её и послушать, что получается.

Лу Ивэнь кивнул и посмотрел туда же. На мониторе светилось окно программы для сведения звука.

Студия в общежитии заметно отличалась от профессионального тон-ателье, где записывали альбомы. Её обустроили на скорую руку для личных нужд ребят, поэтому и аппаратура здесь стояла довольно скромная.

Бегло осмотревшись, Лу Ивэнь заметил возле микрофона странный инструмент. Его со всех сторон обложили ватными одеялами — проверенный кустарный способ избавиться от лишнего эха. Выглядела эта штукавина на редкость диковинно: с виду обычное маленькое деревянное пианино, но к правому боку каким-то чудом крепился резонаторный ящик, напоминающий корпус виолончели. На него были натянуты струны, а рядом лежал смычок.

— Сам собрал, попросил знакомого помочь с деталями, — пояснил Цзянь Шэ, заметив любопытство менеджера. Он подошёл к гибриду и показал, как на нём играть. — Правда, вышло так себе, фальшивит. Звук плосковат.

— И всё равно здорово. Впервые вижу нечто подобное. — Хоть создатель и назвал своё творение неудачным, Лу Ивэнь, заворожённый тем, как ловко парень одной рукой перебирал клавиши, а другой водил смычком по струнам, почувствовал искренний азарт.

— Хочешь попробовать? — Цзянь Шэ с гордостью протянул ему смычок. — Тут ничего сложного, звук извлечь проще простого.

— Прямо сейчас? — Лу Ивэнь сделал глоток пива и оглянулся на дверь студии, которую неплотно прикрыл, когда входил. Поиграть, конечно, хотелось, но на часах было два часа ночи. В общежитии стояла такая тишина, что писк комара показался бы громом, а тут — музыкальные эксперименты. Зачем будить людей?

Цзянь Шэ, словно нарочно стараясь подольше не отпускать его в спальню, быстро подошёл к двери, плотно запер её и задвинул звукоизоляционную панель.

— Ну, а теперь?

— Ладно, давай попробуем. — Разум подсказывал Лу Ивэню, что торчать глубокой ночью в репетиционной и учиться музыке у собственного подопечного — затея довольно странная, но мысль просто побаловаться победила.

Однако после нескольких попыток стало ясно, что координировать руки у него решительно не выходит. С клавишами дела обстояли сносно — даже при отсутствии техники какой-никакой звук извлечь можно, но вот со смычком творилась полная беда. Как бы он ни старался вести его в одну сторону, инструмент издавал лишь истошный, режущий слух скрежет, похожий на кукареканье испуганного петуха.

Лу Ивэнь застыл в нерешительности.

— Это я плохо его сбалансировал, — тут же мягко перевёл стрелки Цзянь Шэ. Он спас его от неловкости, забирая смычок, и встал вплотную к плечу Лу Ивэня. — Давай так: ты только нажимаешь клавиши, а я возьму на себя струны.

И ведь действительно, строптивый смычок, только что измывавшийся над слухом менеджера, в руках Цзянь Шэ мгновенно усмирился. Лу Ивэнь вскоре забросил клавиши и просто заворожённо наблюдал за движениями юноши. Пальцы у того были длинные, сильные, с красивыми, чётко очерченными суставами. Смычок ходил плавно, изящно, рождая густую, обволакивающую мелодию, которая лилась легко, словно весенний ручей.

Лу Ивэнь невольно вспомнил второй тур прослушиваний: парень тогда стоял на сцене с акустической гитарой, и его рука, зажимавшая аккорды, выглядела точно так же эстетично.

— Я всегда считал, что Цзин Сян отлично владеет гитарой, — искренне восхитился Лу Ивэнь, — но ты, оказывается, мультиинструменталист. На скольких инструментах умеешь играть?

Цзянь Шэ плавно замедлил темп:

— Гитара, бас, ударные, пианино.

— Полный комплект для рок-банды. А пианино — идеальная база, чтобы писать песни и разбирать партитуры, да и на синтезатор переучиваться легче.

— Я и учился только ради того, чтобы играть в группе. Агентство «Шэцзя» ведь набирает исключительно музыкантов.

— Вот как... — протянул Лу Ивэнь. В этих словах ему почудился странный подтекст — будто парень освоил всё это богатство только ради того, чтобы попасть именно в его агентство. Решив проверить догадку, он спросил напрямую: — А когда ты вообще увлёкся музыкой?

Смычок замер на струнах. Цзянь Шэ негромко произнес:

— Три года назад. Как раз когда ты возглавил «Шэцзя».

— Всего три года? И уже такой уровень? — Лу Ивэнь опустил личную деталь, поражённый масштабом способностей парня. — Да у тебя колоссальный талант.

Освоить за столь короткий срок целую гору инструментов, научиться аранжировке, сведению и мастерингу — это выходило далеко за рамки банальной предрасположенности. Тут пахло чистой гениальностью. Оставалось лишь гадать: то ли Цзянь Шэ действительно был вундеркиндом, то ли игровые настройки этой реальности грешили дикими багами.

Сделав ему ещё парочку комплиментов, Лу Ивэнь повернулся обратно к маленькому пианино. В бытность свою обычным человеком он нередко коротал время в телефонных симуляторах клавишных и до сих пор помнил несколько любимых мелодий. Он уселся поудобнее и попробовал воспроизвести одну из них.

На переделанном инструменте было всего две октавы, так что играть оказалось на удивление легко — в самый раз для полного профана. Постепенно Лу Ивэнь увлёкся. Несмотря на то что времени на полноценное обучение у него никогда не оставалось, музыку он любил всей душой. В былые дни, когда он самолично разыскивал таланты для агентства, он обожал таскать за спиной гитару, расхаживая по улицам. Дело дошло до того, что ребята из группы «Ан Дё» только спустя полгода после подписания контракта случайно выяснили, что их менеджер вообще не умеет играть.

Уйдя в процесс с головой, Лу Ивэнь даже не заметил, в какой момент затих аккомпанемент смычка. Доиграв финальный пассаж, он остался вполне доволен собой. Он повернул голову, собираясь поделиться радостью, но тут над ним нависла плотная тень.

Цзянь Шэ упёрся ладонью в деревянный корпус пианино и низко наклонился к нему — так низко, что они едва не соприкоснулись носами. Его красивое, точёное лицо оказалось настолько близко, что Лу Ивэнь опешил.

Хотя между ними оставался пусть крошечный, но зазор, этот нависающий ракурс придавал их позам какую-то томительную интимность. Тёплое дыхание юноши беззастенчиво щекотало кожу. Лу Ивэню на миг показалось, будто его собственное отражение в чужих зрачках медленно затягивает в бездонную пучину, мерцающую слабым золотистым светом. Лишь секунду спустя он сообразил, что это были всего лишь блики приглушённых ламп, причудливо игравшие в глазах парня.

Ватные одеяла, развешанные вокруг для звукоизоляции, глушили любые звуки и крали пространство, создавая иллюзию тесной, запертой ловушки.

— Ты... — выдохнул Лу Ивэнь.

Договорить он не успел. Цзянь Шэ резко отпрянул назад, уставившись в пол, и мгновенно покраснел до кончиков ушей.

Лу Ивэнь так и не понял, что это сейчас было. Поразмыслив секунду, он озвучил единственную логичную версию:

— Ты что, поскользнулся?

А как ещё объяснить этот кульбит с падением ему на грудь?

Цзянь Шэ промолчал. Лишь мотнул головой, а затем, не дожидаясь расспросов, выпрямился во весь рост и скороговоркой выпалил: «Я спать». Не успел Лу Ивэнь и глазом моргнуть, как парень пулей вылетел из студии. Он шёл так быстро, словно спасался бегством.

Лу Ивэнь остался в полном недоумении. Когда шаги за дверью стихли, он задумчиво перевёл взгляд на чёрно-белые клавиши и медленно коснулся губ.

«Что-то в этой сцене определённо было не так...»

Тем временем Цзянь Шэ вихрем ворвался в свою комнату, защёлкнул замок и для верности подёргал ручку. Обессиленно привалившись спиной к двери, он уставился в глухую темноту. В комнате царил непроглядный мрак, и в этой звенящей тишине отчётливо, пугающе громко колотилось его собственное сердце.

«Слишком близко. Слишком опасно»

Он судорожно хватал ртом воздух, стараясь унять дрожь. Если бы он сейчас не сдержался и поцеловал его, все усилия, весь долгий путь, что он прошёл до этого дня, полетели бы к чертям.

И всё же...

Перед глазами неотвязно стоял образ Лу Ивэня, склонившегося над клавишами с мягкой, почти детской улыбкой. Ровно таким же он запомнил его при их первой встрече три года назад.

Цзянь Шэ медленно сполз по двери на пол и обхватил голову руками. Чувства, которые он так долго держал в узде, сейчас бурлили внутри, грозя прорвать плотину его хвалёного самообладания.

\*\*\*

Время пролетело незаметно, и вот наступил день репетиции перед совместным выступлением. Лу Ивэнь попросил Сяо Мэй согласовать график с администрацией площадки, и рано утром команда отправилась в путь.

За руль снова сел менеджер, однако в этот раз Цзянь Шэ не стал воевать за переднее сиденье, а молча забился в самый дальний угол салона. Даже при всей своей толстокожести Лу Ивэнь не мог не заметить, что последние дни парень ведёт себя на редкость натянуто, явно избегая лишних контактов.

Чего стоил вчерашний инцидент, когда Лу Ивэнь вышел из душа с полотенцем на бёдрах. Цзянь Шэ шарахнулся от него как от призрака, ворвался к себе в спальню и даже дверь за собой не закрыл — настолько растерялся. Менеджер тогда лишь пожал плечами, вытирая капли воды с груди.

«Ладно, пубертатный период — штука тонкая», — решил он, поленившись копаться в чужой психологии. Пусть делает что хочет.

Старенький фургон, под завязку забитый музыкальным оборудованием и чехлами, колесил по дорогам почти два часа, прежде чем они добрались до места.

Лайв-хаус под названием «Дивижн» по праву считался крупнейшей андерграундной площадкой во всём Восточном районе. Слово «клуб» подходило ему с трудом: это был полноценный концертный зал. Только первый этаж легко вмещал до тысячи двухсот зрителей, а ведь имелся ещё и второй уровень, способный принять ещё около тысячи человек. Настоящий монстр.

Зрительный зал на первом этаже полукольцом огибал сцену. Ближняя к подмосткам зона разделялась металлическими барьерами на три сектора, а задняя часть плавно уходила вверх амфитеатром. Благодаря такой планировке всё внимание публики неизбежно фокусировалось на центре сцены.

Цзин Сян от восторга потерял дар речи. Он метался по сцене, выкрикивая что-то в пустоту зала и явно представляя себя рок-звездой перед многотысячной толпой. У Сюй Ланя же, напротив, от страха подкосились колени.

— Мы... мы правда завтра будем здесь выступать?! — пролепетал он дрожащим голосом.

Цзянь Шэ и Бай Чжиюань держались куда спокойнее. Первый лишь бегло осмотрел зал и тут же уткнулся в настройку аппаратуры. Второй с хмурым видом обходил периметр, напоминая дотошного инспектора по технике безопасности, выискивающего дефекты в конструкциях здания.

Пока Лу Ивэнь пытался привести в чувство бьющегося в панике Сюй Ланя, который без умолку твердил: «Я не смогу, я ухожу», к нему подошёл один из местных техников. Он сообщил, что

владелец заведения хочет поговорить с менеджером и ждёт его на втором этаже.

С хозяином «Дивижн» Лу Ивэнь был знаком давно — в своё время группа «Ан Дё» давала здесь свой первый крупный сольный концерт. Закадычными друзьями они не стали, но приятельские отношения поддерживали: однажды во время онлайн-трансляции летнего фестиваля им даже довелось вместе вести репортаж. Он ободряюще похлопал Сюй Ланя по плечу и поднялся по лестнице.

Владельца звали У Ян. В молодости он сам лабал в рок-группе, поэтому и в свои сорок с хвостиком выглядел как типичный бунтарь: неизменная чёрная фетровая шляпа, кожаная косуха, а шея и руки плотно забиты татуировками.

Увидев старого знакомого, босс У протянул ему сигарету и без лишних предисловий перешёл к делу:

— Ивэнь, я тут подумал насчёт вашей сетки выступлений. Как смотришь на то, чтобы поставить твоих парней закрывать концерт? Сделаем их хедлайнерами.

— Хедлайнерами? Ты шутишь? — Лу Ивэнь взял сигарету, но зажигалку доставать не стал. — У них же за душой ни одного фаната. Мы ведь договаривались на середину программы.

Совместные сборные концерты — штука изнурительная. Завтра на сцену должны были выйти восемь коллективов, фестиваль планировали начать в одиннадцать утра и закончить ближе к девяти вечера. Ни один нормальный меломан не выдержит столько времени на ногах. Обычно люди приходят к началу сета любимой группы и сразу после его окончания уходят домой. Если дебютантов без единого поклонника выпустить на сцену в самом конце, они будут играть перед пустым залом для сонных уборщиков.

<http://bllate.org/book/18237/1751814>